

Речь присяжного поверенного П.А.Александрова в защиту Засулич

Господа присяжные заседатели! Я выслушал благородную, сдержанную речь товарища прокурора, и со многим из того, что сказано им, я совершенно согласен; мы расходился лишь в весьма немногом, но тем не менее задача моя после речи господина прокурора ре оказалась облегченной. Не в фактах настоящего дела, не в сложности их лежит его трудность; дело это просто по своим обстоятельствам, до того просто, что, если ограничиться одним только событием 24 января, тогда почти и рассуждать не придется. Кто станет отрицать, что самоуправное убийство есть преступление; кто будет отрицать то, что утверждает подсудимая, что тяжело поднимать руку для самоуправной расправы? Все это истины, против которых нельзя спорить, но дело в том, что событие 24 января не может быть рассматриваемо отдельно от другого случая: оно так связуется, так переплетается с фактом, совершившимся в доме предварительного заключения 13 июля, что если непонятным будет смысл покушения, произведенного В.Засулич на жизнь генерал-адъютанта Трепова, то его можно уяснить только сопоставляя это покушение с теми мотивами, начало которых положено было происшествием в доме предварительного заключения. В [таком] сопоставлении, собственно говоря, не было бы ничего трудного; очень нередко разбирается не только [само] преступление; но и тот факт, который дал мотив этому преступлению. Но в настоящем деле эта связь до некоторой степени усложняется, и разъяснение ее затрудняется. В самом деле, нет сомнения, что распоряжение генерал-адъютанта Трепова было должностное распоряжение. Но должностное лицо мы теперь не судим, и генерал-адъютант Трепов является в настоящее время не в качестве подсудимого {283} должностного лица, а в качестве свидетеля, лица, потерпевшего от преступления; Кроме того, чувство приличия, которое мы не решились бы переступить в защите нашей и которое не может не внушить нам известной сдержанности относительно генерал-адъютанта Трепова как лица, потерпевшего от преступления. Я очень хорошо понимаю, что не могу касаться действий должностного лица и обсуждать их так, как они обсуждаются, когда это должностное лицо предстоит в качестве подсудимого. Но из того затруднительного положения, в котором находится защита в этом деле, можно, мне кажется, выйти следующим образом. Всякое должностное, начальствующее лицо представляется мне в виде двуликого Януса, поставленного в храме на

горе: одна сторона этого Януса обращена к закону, к начальству, к суду, она ими освещается и обсуждается, обсуждение здесь полное, веское, правдивое; другая сторона обращена к нам, простым смертным, стоящим в притворе храма, под горой. На эту сторону мы смотрим, и она бывает не всегда одинаково освещена для нас. Мы к ней подходим иногда только с простым фонарем, {284} с грошовой свечкой, с тусклой лампой, многое для нас темно, многое наводит нас на такие суждения, которые не согласуются со взглядами начальства, суда на те же действия должностного лица. Но мы живем в этих, может быть, иногда и ошибочных мнениях, на основании их мы питаем те или другие чувства к должностному лицу, порицаем его или славословим его, любим или остаемся к нему равнодушны и радуемся, если находим распоряжения вполне справедливыми. Когда действия должностного лица становятся мотивами для наших действий, за которые мы судимся и должны нести ответственность, тогда важно иметь в виду не только то, правильны или неправильны действия должностного лица с точки зрения закона, а как мы сами смотрели на них. Не суждения закона о должностном действии, а наши воззрения на него должны быть приняты как обстоятельства, обуславливающие степень нашей ответственности. Пусть эти воззрения будут и неправильны - они ведь имеют значение не для суда над должностным лицом, а для суда над нашими поступками, соображенными с теми или другими руководившими нами понятиями. Чтобы вполне судить о мотиве наших поступков, надо знать, как эти мотивы отразились в наших понятиях. Таким образом, в моем суждении о событии 13 июля не будет обсуждения действий должностного лица, а только разъяснение того, как отразилось это действие на уме и убеждениях Веры Засулич. Оставаясь в этих пределах, я, полагаю, не буду судьей действий должностного лица и затем надеюсь, что в этих пределах мне будет дана необходимая законная свобода слова и вместе с тем будет оказано снисхождение, если я с некоторой подробностью остановлюсь на таких обстоятельствах, которые с первого взгляда могут и не казаться прямо относящимися к делу. Являясь защитником В.Засулич, по ее собственному избранию, выслушав от нее в моих беседах с ней многое, что она находила нужным передать мне, я невольно впадаю в опасение не быть полным выразителем ее мнения и упустить что-либо, что, по взгляду самой подсудимой, может иметь значение для ее дела.

Я мог бы начать прямо со случая 13 июля, но нужно прежде исследовать почву, которая обусловила связь между 13 июля и 24 января. Эта связь лежит во всем прошедшем, во всей жизни Веры Засулич. Рассмотреть эту жизнь весьма поучительно; поучительно рассмотреть ее не только для интересов настоящего дела, не только для того, чтобы определить, в какой степени {285} виновна В.Засулич, но ее прошедшее поучительно и для извлечения из него других материалов, нужных и полезных для разрешения таких вопросов, которые выходят из пределов суда: для изучения той почвы, которая у нас нередко производит преступления и преступников. Вам сообщены уже о В.Засулич некоторые биографические данные; они не длинные, и мне придется остановиться только на некоторых из них.

Вы помните, что семнадцати лет, после окончания образования в одном из московских пансионов, после того, как она выдержала с отличием экзамен на звание домашней учительницы, она вернулась в дом матери. Старуха мать ее живет здесь, в Петербурге. В небольшой сравнительно промежуток времени семнадцатилетняя девушка имела случай познакомиться с Нечаевым и его сестрой. Познакомилась она с ней совершенно случайно, в учительской школе, куда она ходила изучать звуковой метод преподавания грамоты. Кто такой был Нечаев, какие его замыслы, она не знала, да тогда еще и никто не знал его в России; он считался простым студентом, который играл некоторую роль в студенческих волнениях, не представлявших ничего политического.

По просьбе Нечаева В.Засулич согласилась оказать ему некоторую, весьма обыкновенную услугу. Она раза три или четыре принимала от него письма и передавала их по адресу, ничего, конечно, не зная о содержании самих писем. Впоследствии оказалось, что Нечаев - государственный преступник, и ее совершенно случайные отношения к Нечаеву послужили основанием к привлечению в качестве подозреваемой в государственном преступлении по известному нечаевскому делу. Вы помните из рассказа В.Засулич, что двух лет тюремного заключения стоило ей это подозрение. Год она просидела в Литовском замке и год в Петропавловской крепости. Это были восемнадцатый и девятнадцатый годы ее юности.

Годы юности, по справедливости, считаются лучшими годами в жизни человека; воспоминания о них, впечатления этих лет остаются на всю жизнь. Недавний ребенок готовился стать созревшим человеком. Жизнь представляется пока издали своей розовой, обольстительной стороной, без мрачных теней, без темных пятен. Много переживает юноша в эти короткие годы, и пережитое кладет след на всю жизнь. Для мужчины это пора высшего образования; здесь пробуждаются первые прочные симпатии, здесь завязываются товарищеские связи, отсюда {286} выносятся навсегда любовь к месту своего образования, к своей alma mater. Для девицы годы юности представляют пору расцвета, полного развития; перестав быть дитятей, свободная еще от обязанностей жены и матери, девица живет полной радостью, полным сердцем. То -- пора первой любви, беззаботности, веселых надежд, незабываемых радостей, пора дружбы; то - пора всего того дорогого, неуловимо-мимолетного, к чему потом может обращаться воспоминаниями зрелая мать и старая бабушка.

Легко вообразить, как провела Засулич эти лучшие годы своей жизни, в каких забавах, в каких радостях провела она это дорогое время, какие розовые мечты волновали ее в стенах Литовского замка и казематах Петропавловской крепости. Полное отчуждение от всего, что за тюремной стеной. Два года она не видела ни матери, ни родных, ни знакомых. Изредка только через тюремное начальство доходила весть о них, что все, мол, слава богу, здоровы. Ни работы, ни занятий. Кое-когда только книга, прошедшая через тюремную цензуру. Возможность сделать несколько шагов по комнате и полная невозможность увидеть что-либо через тюремное окно. Отсутствие воздуха, редкие прогулки, дурной сон, плохое питание. Человеческий образ видится только в тюремном стороже, приносящем обед, да в часовом, заглядывающем время от времени в дверное окно, чтобы узнать, что делает арестант. Звук отворяемых и затворяемых замков, бряцание ружей сменяющихся часовых, мерные шаги караула да уныло-музыкальный звон часов Петропавловского шпица. Вместо дружбы, любви, человеческого общения - одно сознание, что справа и слева, за стеной, такие же товарищи по несчастью, такие же жертвы несчастной доли.

В эти годы зарождающихся симпатий Засулич, действительно, создала и закрепила в душе своей навеки одну симпатию - беззаветную любовь ко всякому, кто, подобно ей, принужден влачить несчастную жизнь подозреваемого в политическом преступлении. Политический арестант, кто бы он ни был, стал ей дорогим другом, товарищем юности, товарищем по воспитанию. Тюрма была для нее alma mater, которая закрепила эту дружбу, это товарищество.

{287}

Два года кончились. Засулич отпустили, не найдя даже никакого основания предать ее суду. Ей сказали: "Иди"- и даже не прибавили: "И более не согрешай", потому что прегрешений не нашлось, и до того не находилось их, что в продолжение двух лет она всего только два раза была спрошена и одно время серьезно думала, в продолжение многих месяцев, что она совершенно забыта. "Иди". Куда же идти? По счастью, у нее есть, куда идти, - у нее здесь, в Петербурге, старуха мать, которая с радостью встретит дочь. Мать и дочь были обрadowаны свиданием; казалось, два тяжких года исчезли из памяти. Засулич была еще молода - ей был всего двадцать первый год. Мать утешала ее, говорила: "Поправишься, Верочка, теперь все пройдет, все кончилось благополучно". Действительно, казалось, страдания излечатся, молодая жизнь одолеет и не останется следов тяжелых лет заключения.

Была весна, пошли мечты о летней дачной жизни, которая могла казаться земным раем после тюремной жизни; прошло десять дней, полных розовых мечтаний. Вдруг поздний звонок. Не друг ли запоздалый? Оказывается - не друг, но и не враг, а местный надзиратель. Объясняет [он] Засулич, что приказано ее отправить в пересыльную тюрьму. "Как в тюрьму? - Вероятно, это недоразумение, я не привлечена к нечаевскому делу, не предана суду, обо мне дело прекращено судебной палатой и правительствующим Сенатом". - "Не могу знать, - отвечает надзиратель, - пожалуйста, я от начальства имею предписание взять вас".

Мать принуждена отпустить дочь. Дала ей кое-что: легкое платье, бурнус; говорит: "Завтра мы тебя навестим, мы пойдем к прокурору, этот арест, очевидно, недоразумение, дело объяснится, и ты будешь освобождена".

Проходит пять дней, В.Засулич сидит в пересыльной тюрьме с полной уверенностью скорого освобождения.

Возможно ли, чтобы после того, как дело было прекращено судебной властью, не нашедшей никакого основания в чем бы то ни было обвинять Засулич, она, едва двадцатилетняя девица, живущая у матери, могла быть выслана, и выслана, только что освобожденная после двухлетнего тюремного заключения.

В пересыльной тюрьме навещают ее мать, сестра; ей приносят конфеты, книжки; никто не воображает, чтоб она могла быть выслана, и никто не озабочен приготовлениями к предстоящей высылке.

{288}

На пятый день задержания ей говорят: "Пожалуйста, вас сейчас отправляют в город Крестцы". - "Как отправляют? Да у меня нет ничего для дороги. Подождите, по крайней мере, дайте мне возможность дать знать родственникам, предупредить их, Я уверена, что тут какое-нибудь недоразумение. Окажите мне снисхождение, подождите, отложите мою отправку хоть на день, на два, я дам знать родным". - "Нельзя, - говорят, - не можем по закону, требуют вас немедленно отправить".

Рассуждать было нечего, Засулич понимала, что надо покориться закону, не знала только, о каком законе тут речь. Поехала она в одном платье, в легком бурнусе; пока ехала по железной дороге, было сносно, потом поехала на почтовых, в кибитке, между двух жандармов. Был апрель, стало в легком

бурнусе невыносимо холодно; жандарм снял свою шинель и одел барышню. Привезли ее в Крестцы. В Крестцах сдали ее исправнику, исправник выдал квитанцию в принятии клади и говорит Засулич: "Идите, я вас не держу, вы не арестованы. Идите и по субботам являйтесь в полицейское управление, так как вы состоите у нас под надзором".

{289}

Рассматривает Засулич свои ресурсы, с которыми ей приходится начать новую жизнь в неизвестном городе. У нее оказывается рубль денег, французская книжка да коробка шоколадных конфет.

Нашелся добрый человек, дьячок, который поместил ее в своем семействе. Найти занятие в Крестцах ей не представлялось возможности, тем более что нельзя было скрыть, что она - высланная административным порядком. Я не буду затем повторять другие подробности, которые рассказала сама Вера Засулич.

Из Крестцов ей пришлось ехать в Тверь, в Солигалич, в Харьков. Таким образом, началась ее бродячая жизнь - жизнь женщины, находящейся под надзором полиции. У нее делали обыски, призывали для разных опросов, подвергала иногда задержкам не в виде арестов и, наконец, о ней совсем забыли.

Когда от нее перестали требовать, чтобы она еженедельно являлась на просмотр к местным полицейским властям, тогда ей улыбнулась возможность контрабандой поехать в Петербург и затем с детьми своей сестры отправиться в Пензенскую губернию. Здесь она летом 1877 года прочитывает в первый раз в газете "Голос" известие о наказании Боголюбова.

Да позволено мне будет, прежде чем перейти к этому известию, сделать еще маленькую экскурсию в область розги.

Я не имею намерения, господа присяжные заседатели, представлять вашему вниманию историю розги - это завело бы меня в область слишком отдаленную, к весьма далеким страницам нашей истории, ибо история розга весьма продолжительна. Нет, не историю розги хочу я повествовать перед вами, я хочу привести лишь несколько воспоминаний о последних днях ее жизни.

Вера Ивановна Засулич принадлежит к молодому поколению. Она стала себя помнить тогда уже, когда наступили новые порядки, когда розги отошли в область преданий. Но мы, люди предшествовавшего поколения, мы еще помним то полное господство розог, которое существовало до 17 апреля 1863 года. Розга царила везде: в школе, на мирском сходе, она была неременной принадлежностью на конюшне помещика, потом в казармах, в полицейском управлении... Существовало сказание апокрифического, впрочем, свойства - что где-то русская розга была приведена в союз с английским механизмом и русское сечение совершалось по всем правилам самой утонченной европейской {290} вежливости. Впрочем, достоверность этого сказания никто не подтверждал собственным опытом. В книгах наших уголовных, гражданских и военных законов розга испещряла все страницы. Она составляла какой-то легкий мелодический перезвон в общем громогласном гуле плети, кнута и шпицрутенгов. Но наступил великий день - день, который чтит вся Россия, - 17 апреля 1863 года, - и розга перешла в область истории. Розга, правда, не совсем, но все другие телесные наказания миновали совершенно. Розга не была совершенно уничтожена, но крайне ограничена. В то время было много опасений за полное уничтожение розги, опасений, которых не разделяло правительство, но которые волновали некоторых представителей интеллигенции. Им казалось вдруг как-то неудобным и опасным оставить без розог Россию, которая так долго вела свою историю рядом с розгой, - Россию, которая, по их глубокому убеждению, сложилась в обширную державу и достигла своего величия едва ли не благодаря розгам. Как, казалось, вдруг остаться без этого цемента, связующего общественные устои? Как будто в

утешение этих мыслителей розга осталась в очень ограниченных размерах и утратила свою публичность.

По каким соображениям решились сохранить ее, я не знаю, но думаю, что она осталась как бы в виде сувенира после умершего или удалившегося навсегда лица. Такие сувениры обыкновенно приобретаются и сохраняются в малых размерах. Тут не нужно целого шиньона, достаточно одного локона; сувенир обыкновенно не выставляется наружу, а хранится в тайнике медальона, в дальнем ящике. Такие сувениры не переживают более одного поколения.

Когда в исторической жизни народа нарождается какое-либо преобразование, которое способно поднять дух народа, возвысить его человеческое достоинство, тогда подобное преобразование прививается и приносит свои плоды. Таким образом, и отмена телесного наказания оказала громадное влияние на поднятие в русском народе чувства человеческого достоинства. Теперь стал позорен тот солдат, который довел себя до наказания розгами, теперь смешон и считается бесчестным тот крестьянин, который допустил себя наказать розгами.

Вот в эту-то пору, через пятнадцать лет после отмены розог, которые, впрочем, давно уже были отменены для лиц привилегированного сословия, над политическим осужденным арестантом было совершено позорное сечение. Обстоятельство это не могло укрыться от внимания {291} общества: о нем заговорили в Петербурге, о нем вскоре появляются газетные известия. И вот эти-то газетные известия дали первый толчок мысли В.Засулич. Короткое газетное известие о наказании Боголюбова розгами не могло не произвести на Засулич подавляющего впечатления. Оно производило такое впечатление на всякого, кому знакомо чувство чести и человеческого достоинства.

Человек, по своему рождению, воспитанию и образованию чуждый розги; человек, глубоко чувствующий и понимающий все ее позорное и унижительное значение; человек, который по своему образу мыслей, по своим убеждениям и чувствам не мог бы без сердечного содрогания видеть и слышать исполнение

позорной экзекуции над другими, - этот человек сам должен был перенести на собственной коже всеподавляющее действие унижительного наказания.

Какое, думала Засулич, мучительное истязание, какое презрительное поругание над всем, что составляет самое существенное достояние развитого человека, и не только развитого, но и всякого, кому не чуждо чувство чести и человеческого достоинства.

Не с точки зрения формальностей закона могла обсуждать В.Засулич наказание, произведенное над Боголюбовым, но и для нее не могло быть ясным из самих газетных известий, что Боголюбов хотя и был осужден на каторжные работы, но еще не поступил в разряд ссыльнокаторжных, что над ним не было еще исполнено все то, что, по фикции закона, отнимает от человека честь, разрывает всякую связь его с прошедшим и низводит его на положение лишенного всех прав. Боголюбов содержался еще в доме предварительного заключения, он жил среди прежней обстановки, среди людей, которые напоминали ему его прежнее положение.

Нет, не с формальной точки зрения обсуждала В.Засулич наказание Боголюбова; была другая точка зрения, менее специальная, более сердечная, более человеческая, которая никак не позволяла примириться с разумностью и справедливостью произведенного над Боголюбовым наказания.

Боголюбов был осужден за государственное преступление. Он принадлежал к группе молодых, очень молодых людей, судившихся за преступную манифестацию на площади Казанского собора. Весь Петербург знает об этой манифестации, и все с сожалением отнеслись тогда к этим молодым людям, так опрометчиво заявившим себя политическими преступниками, к этим так {292} непроизводительно погубленным молодым силам. Суд строго отнесся к судимому деянию. Покушение явилось в глазах суда весьма опасным посягательством на государственный порядок, и закон был применен с подобающей строгостью. Но строгость приговора за преступление не

исключала возможности видеть, что покушение молодых людей было прискорбным заблуждением и не имело в своем основании низких расчетов, своекорыстных побуждений, преступных намерений, что, напротив, в основании его лежало доброе увлечение, с которым не совладал молодой разум, живой характер, который дал им направиться на ложный путь, приведший к прискорбным последствиям.

Характерные особенности нравственной стороны государственных преступлений не могут не обращать на себя внимания. Физиономия государственных преступлений нередко весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести. Государственное преступление нередко - только одновременно высказанное учение преждевременно провозглашенного преобразования, проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время.

Все это, несмотря на тяжкую кару закона, постигающую государственного преступника, не позволяет видеть в нем презренного, отвергнутого члена общества, не позволяет заглушить симпатий ко всему тому высокому, честному, дорогому, разумному, что остается в нем вне сферы его преступного деяния.

Мы, в настоящее славное царствование, тогда еще с восторгом юности, приветствовали старцев, возвращенных монаршим милосердием из снегов Сибири, этих государственных преступников, явившихся энергическими деятелями по различным отраслям великих преобразований, тех преобразований, несвоевременная мечта о которых стоила им годов каторги.

Боголюбов судебным приговором был лишен всех прав состояния и присужден к каторге. Лишение всех прав и каторга - одно из самых тяжелых наказаний нашего законодательства. Лишение всех прав и каторга одинаково могут постигнуть самые разнообразные тяжкие преступления, несмотря на все различие их нравственной подкладки. В этом еще нет ничего несправедливого.

Наказание, насколько оно касается сферы права, изменения общественного положения, лишения свободы, принудительных работ, может, без особенно вопиющей {293} неравномерности, постигать преступника самого разнообразного характера. Разбойник, поджигатель, распространитель ереси, наконец, государственный преступник могут быть, без явной несправедливости, уравнены постигающим их наказанием.

Но есть сфера, которая не поддается праву, куда бессилён проникнуть нивелирующий закон, где всякая законная уравнительность была бы величайшей несправедливостью. Я разумею сферу умственного и нравственного развития, сферу убеждений, чувствований, вкусов, сферу всего того, составляет умственное и нравственное достояние человека.

Высокоразвитый, полный честных нравственных принципов государственный преступник и безнравственный, презренный разбойник или вор могут одинаково, стена об стену, тянуть долгие годы заключения, могут одинаково нести тяжкий труд рудниковых работ, но никакой закон, никакое положение, созданное для них наказанием, не в состоянии уравнивать их во всем том, что составляет умственную и нравственную сферу человека. Что для одного, составляет ничтожное лишение, легкое взыскание, то для другого может составить тяжкую нравственную пытку, невыносимое бесчеловечное истязание.

Закон карающий может отнять внешнюю честь, все внешние отличия, с ней сопряженные, но истребить в человеке чувство моральной чести, нравственного достоинства судебным приговором, изменить нравственное содержание человека, лишить его всего того, что составляет неотъемлемое достояние его развития, никакой закон не может. И если закон не может предусмотреть все нравственные, индивидуальные различия преступника, которые обуславливаются их прошедшим, то является на помощь общая, присущая человеку, нравственная справедливость, которая должна подсказать, что применимо к одному и что было бы высшей несправедливостью в применении к другому.

Если с этой точки зрения общей справедливости смотреть на наказание, примененное к Боголюбову, то понятным станет то возбуждающее, тяжелое чувство негодования, которое овладевало всяким неспособным безучастно относиться к нравственному истязанию над ближним.

С чувством глубокого, непримиримого оскорбления за нравственное достоинство человека отнеслась Засулич к известию о позорном наказании Боголюбова.

Что был для нее Боголюбов? Он не был для нее родственником, другом, он не был ее знакомым, она никогда {294} не видела и не знала его. Но разве для того, чтобы возмутиться видом нравственно раздавленного человека, чтобы прийти в негодование от позорного глумления над беззащитным, нужно быть сестрой, женой, любовницей?

Для Засулич Боголюбов был политический арестант, и в этом слове было для нее все: политический арестант не был для Засулич отвлеченное представление, вычитываемое из книг, знакомое по слухам, по судебным процессам, - представление, возбуждающее в честной душе чувство сожаления, сострадания, сердечной симпатии. Политический арестант был для Засулич - она сама, ее горькое прошедшее, ее собственная история: история безвозвратно погубленных лет, лучших и дорогих в жизни каждого человека, которого не постигает тяжкая доля, перенесенная Засулич. Политический арестант был для Засулич - горькое воспоминание ее собственных страданий, ее тяжкого нервного возбуждения, постоянной тревоги, томительной неизвестности, вечной думы над вопросами: что я сделала? что будет со мной? когда же наступит конец? Политический арестант был ее собственное сердце, и всякое грубое прикосновение к этому сердцу болезненно отзывалось на ее возбужденной натуре.

В провинциальной глуши газетные известия действовали на Засулич еще сильнее, чем они могли бы действовать здесь, в столице. Там она была одна. Ей

не с кем было разделить своих сомнений, ей не от кого было услышать слово участия по занимавшему ее вопросу. Нет, думала Засулич, вероятно, известие неверное, по меньшей мере оно преувеличено. Неужели теперь, и именно теперь, думала она, возможно такое явление? Неужели двадцать лет прогресса, смягчения нравов, человеколюбивого отношения к арестованным, улучшения судебных и тюремных порядков, ограничения личного произвола, неужели двадцать лет поднятия личности и достоинства человека вычеркнуты и забыты бесследно?

Неужели к тяжкому приговору, постигшему Боголюбова, можно было прибавлять еще более тяжкое презрение к его человеческой личности, забвение в нем всего прошлого, всего, что дали ему воспитание и развитие? Неужели нужно было еще наложить несмываемый позор на эту, положим, преступную, но, во всяком случае, не презренную личность? Нет ничего удивительного, продолжала думать Засулич, что Боголюбов в состоянии нервного возбуждения, столь понятного в одиночно заключенном арестанте, мог, не владея собой, позволить себе то {295} или другое нарушение тюремных правил, но на случай таких нарушений, если и признавать их вменяемыми человеку в исключительном состоянии его духа, существуют у тюремного начальства другие меры, ничего общего не имеющие с наказанием розгами. Да и какой же поступок приписывают Боголюбову газетные известия? Неснятие шапки при вторичной встрече с почетным посетителем. Нет, это невероятно, успокаивалась Засулич; подождем, будет опровержение, будет разъяснение происшествия; по всей вероятности, оно окажется не таким, как представлено.

Но не было ни разъяснений, ни опровержений, ни гласа, ни послушания. Тишина молчания не располагала к тишине взволнованных чувств. И снова возникал в женской экзальтированной голове образ Боголюбова, подвергнутого позорному наказанию и раскаленное воображение старалось угадать, перечувствовать все то, что мог перечувствовать несчастный. Рисовалась возмущающая душу картина, но то была еще только картина собственного воображения, не проверенная никакими данными, не пополненная слухами, рассказами очевидцев, свидетелей наказания; вскоре явилось и то и другое. В сентябре Засулич была в Петербурге; здесь уже она могла проверить

занимавшее ее мысль происшествие по рассказам очевидцев или лиц, слышавших непосредственно от очевидцев. Рассказы, по содержанию своему, неспособны были усмирить возмущенное чувство. Газетное известие оказывалось непреувеличенным; напротив, оно дополнялось такими подробностями, которые заставляли содрогаться, которые приводили в негодование. Рассказывалось и подтверждалось, что Боголюбов не имел намерения оказать неуважение, неповиновение, что с его стороны было только недоразумение и уклонение от внушения, которое ему угрожало, что попытка сбить с Боголюбова шапку вызвала крик со стороны смотревших на происшествие арестантов независимо от какого-либо возмущения их к тому Боголюбовым. Рассказывались дальше возмутительные подробности приготовления и исполнения наказания. Во двор, на который из окон камер неслись крики арестантов, взволнованных происшествием с Боголюбовым, является смотритель тюрьмы и, чтобы "успокоить" волнение, возвещает о предстоящем наказании Боголюбова розгами, не успокоив никого этим в действительности, но несомненно доказав, что он, смотритель, обладает и практическим тактом, и пониманием человеческого сердца. Перед окнами женских {296} арестантских камер, на виду испуганных чем-то необычайным, происходящим в тюрьме, женщин, вяжутся пуки розог, как будто бы драть предстояло целую роту; разминаются руки, делаются репетиции предстоящей экзекуции, и в конце концов нервное волнение арестантов возбуждается до такой степени, что ликторы *in spe* считают нужным убраться в сарай и оттуда выносят пуки розог уже спрятанными под шинелями.

Теперь, по отрывочным рассказам, по догадкам, по намекам, нетрудно было вообразить и настоящую картину экзекуции. Восставала эта бледная, испуганная фигура Боголюбова, не ведающая, что он сделал, что с ним хотят творить; восставая в мыслях болезненный его образ. Вот он, приведенный на место экзекуции и пораженный известием о том позоре, который ему готовится; вот он, полный негодования и думающий, что эта сила негодования даст ему силы Самсона, чтобы устоять в борьбе с массой ликторов, исполнителей наказания; вот он, падающий под массой пудов человеческих тел, насевших ему на плечи, распростертый на полу, позорно обнаженный, несколькими парами рук, как железом, прикованный, лишенный всякой возможности сопротивляться, и над всей этой картиной мерный свист березовых прутьев да

также мерное исчисление ударов благородным распорядителем экзекуции. Все замерло в тревожном ожидании стога; этот стог раздался - то не был стог физической боли - не на нее рассчитывали; то был мучительный стог удушенного, униженного, поруганного, раздавленного человеческого достоинства. Священнодействие совершилось, позорная жертва была принесена!.. (Аплодисменты, громкие крики: браво!)

Председатель. Поведение публики должно выражаться в уважении к суду. Суд не театр, одобрение или неодобрение здесь воспрещается. Если это повторится вновь, я вынужден буду очистить залу.

П.А. Александров. Сведения, полученные Засулич, были подробны, обстоятельны, достоверны. Теперь тяжелые сомнения сменились еще более тяжелой известностью. Роковой вопрос восстал со всей его беспокойной настойчивостью. Кто же вступится за поруганную честь беспомощного каторжника? Кто смоет, кто и как искупит тот позор, который навсегда неутешимой болью будет напоминать о себе несчастному? С твердостью перенесет осужденный суровость каторги, он примирится с этим {297} возмездием за его преступление, быть может, сознает его справедливость, быть может, наступит минута, когда милосердие с высоты трона и для него откроется, когда скажут ему: "Ты искупил свою вину, войди опять в то общество, из которого ты удален, войди и будь снова гражданином". Но кто и как изгладит в его сердце воспоминание о позоре, о поруганном достоинстве; кто и как смоет то пятно, которое на всю жизнь останется неизгладимым в его воспоминании? Наконец, где же гарантия против повторения подобного случая? Много товарищей по несчастью у Боголюбова - неужели и они должны существовать под страхом всегдашней возможности испытать то, что пришлось перенести Боголюбову? Если юристы могли создать лишение прав, то отчего психологи, моралисты не явятся со средствами отнять у лишенного прав его нравственную физиономию, его человеческую натуру, его душевное состояние; отчего же они не укажут средств низвести каторжника на степень скота, чувствующего физическую боль и чуждого душевным страданиям? Так думала, так не столько думала, как инстинктивно чувствовала В.Засулич. Я говорю ее мыслями, я говорю почти её словами. Быть может, найдется много

экзальтированного, болезненно преувеличенного в ее думах, {298} волновавших ее вопросах, в ее недоумении. Быть может, законник нашелся бы в этих недоразумениях, подведя приличную статью закона, прямо оправдывающую случай с Боголюбвым: у нас ли не найти статьи закона, коли нужно ее найти? Быть может, опытный блюститель порядка доказал бы, что иначе поступить, как было поступлено с Боголюбвым, и невозможно, что иначе и порядка существовать не может... Быть может, не блюститель порядка, а просто практический человек сказал бы, с полной уверенностью в разумности своего слова: "Бросьте вы, Вера Ивановна, это самое дело: не вас ведь выпороли".

Но и законник, и блюститель порядка, и практический человек не разрешили бы волновавшего Засулич сомнения, не успокоили бы ее душевной тревоги. Не надо забывать, что Засулич - натура экзальтированная, нервная, болезненная, впечатлительная; не надо забывать, что павшее на нее, чуть не ребенка в то время, подозрение в политическом преступлении, подозрение, не оправдавшееся, но стоившее ей двухлетний одиночный заключения, и затем бесприютное скитание надломили ее натуру, навсегда оставив воспоминание о страданиях политического арестанта, толкнули ее жизнь на тот путь и в ту среду, где много поводов к страданию, душевному {299} волнению, но где мало места для успокоения на соображениях практической пошлости.

В беседах с друзьями и знакомыми, наедине, днем и ночью, среди занятий и без дела, Засулич не могла оторваться от мысли о Боголюбове, и ниоткуда сочувственной помощи, ниоткуда удовлетворения души, взволнованной вопросами: кто вступится за опозоренного Боголюбова, кто вступится за судьбу других несчастных, находящихся в положении Боголюбова? Засулич ждала этого заступничества от печати, она ждала оттуда поднятия, возбуждения так волновавшего ее вопроса. Памятуя о пределах, молчала печать. Ждала Засулич помощи от силы общественного мнения. Из тиши кабинетов, из интимного круга приятельских бесед не выползало общественное мнение. Она ждала, наконец, слова от правосудия. Правосудие... Но о нем ничего не было слышно.

И ожидания оставались ожиданиями. А мысли тяжелые и тревоги душевные не унимались. И снова и снова, и опять и опять возникал образ Боголюбова и вся его обстановка.

Не звуки цепей смущали душу, но мрачные своды мертвого дома леденили воображение: рубцы - позорные рубцы - резали сердце, и замогильный голос заживо погребенного звучал:

Что ж молчит в вас, братья, злоба,

Что ж любовь молчит?

И вдруг внезапная мысль, как молния сверкнувшая в уме Засулич: "А я сама! Затихло, замолкло все о Боголюбове, нужен крик, в моей груди достанет воздуха издать этот крик, я издам его и заставлю его услышать!" Решимость была ответом на эту мысль в ту же минуту. Теперь можно было рассуждать о времени, о способах исполнения, но само дело, выполненное 24 января, было бесповоротно решено.

Между блеснувшей и зародившейся мыслью и исполнением ее протекли дни и даже недели; это дало обвинению право признать вмененное Засулич намерение и действие заранее обдуманнными.

Если эту обдуманность относить к приготовлению средств, к выбору способов и времени исполнения, то, конечно, взгляд обвинения нельзя не признать справедливым, но в существе своем, в своей основе, намерение Засулич не было и не могло быть намерением хладнокровно обдуманным, как ни велико по времени {300} расстояние между решимостью и исполнением. Решимость была и осталась внезапной, вследствие внезапной мысли, павшей на благоприятно для нее подготовленную почву, овладевшей всецело и всевластно экзальтированной натурой. Намерения, подобные намерению Засулич,

возникающие в душе возбужденной, аффектированной, не могут быть обдумываемы, обсуждаемы. Мысль сразу овладевает человеком, не его обсуждению она подчиняется, а подчиняет его себе и влечет за собой. Как бы далеко ни отстояло исполнение мысли, овладевшей душой, аффект не переходит в холодное размышление и остается аффектом. Мысль не проверяется, не обсуживается, ей служат, ей рабски повинуются, за ней следуют. Нет критического отношения, имеет место только безусловное поклонение. Тут обсуживаются и обдумываются только подробности исполнения, но это не касается сущности решения. Следует ли или не следует выполнить мысль - об этом не рассуждают, как бы долго ни думали над средствами и способами исполнения. Страстное состояние духа; в котором зарождается и воспринимается мысль, не допускает подобного обсуждения; так вдохновенная мысль поэта остается вдохновенной, не выдуманной, хотя она и может задумываться над выбором слов и рифм для ее воплощения.

Мысль о преступлении, которое стало бы ярким и громким указанием на расправу с Боголюбковым, всецело завладела возбужденным умом Засулич. Иначе и быть не могло; эта мысль как нельзя более соответствовала тем потребностям, отвечала на те задачи, которые волновали ее. Руководящим побуждением для Засулич обвинение ставит месть. Местью и сама Засулич объяснила свой поступок, но для меня представляется невозможным объяснить вполне дело Засулич побуждением мести, по крайней мере мести, понимаемой в ограниченном смысле этого слова. Мне кажется, что слово "месть" употреблено в показании Засулич, а затем и в обвинительном акте как термин наиболее простой, короткий и несколько подходящий к обозначению побуждения, импульса, руководившего Засулич.

Но месть, одна месть была бы неверным мерилom для обсуждения внутренней стороны поступка Засулич. Местью обыкновенно руководится личными счетами с отомщаемым за себя или близких. Но никаких личных, исключительно ее интересов не только не было для Засулич в происшествии с Боголюбковым, но и сам Боголюбов не был ей близким, знакомым человеком.

Месть стремится нанести возможно больше зла противнику; Засулич, стрелявшая в генерал-адъютанта Трепова, сознается, что для нее безразличны были те или другие последствия выстрела. Наконец, месть старается достигнуть удовлетворения возможно дешевой ценой, месть действует скрытно с возможно меньшими жертвованиями. В поступке Засулич, как бы ни обсуждать его, нельзя не видеть самого беззаветного, но и самого нерасчетливого самопожертвования. Так не жертвуют собой из-за одной узкой, эгоистической мести. Конечно, не чувство доброго расположения к генерал-адъютанту Трепову питала Засулич; конечно, у нее было известного рода недовольство против него, и это недовольство имело место в побуждениях Засулич, но ее месть всего менее интересовалась лицом отомщаемым; ее месть окрашивалась, видоизменялась, осложнялась другими побуждениями.

Вопрос справедливости и легальности наказания Боголюбова казался Засулич не разрешенным, а погребенным навсегда; надо было воскресить его и поставить твердо и громко. Униженное и оскорбленное человеческое достоинство Боголюбова казалось невосстановленным, несмытым, неоправданным, чувство мести - неудовлетворенным. Возможность повторения в будущем случаев позорного наказания над политическими преступниками и арестантами казалась непредупрежденной.

Всем этим необходимостям, казалось Засулич, должно было удовлетворить такое преступление, которое с полной достоверностью можно было бы поставить в связь со случаем наказания Боголюбова и показать, что это преступление явилось как последствие случая 13 июля, как протест против поругания над человеческим достоинством политического преступника. Вступить за идею нравственной чести и достоинства политического осужденного, провозгласить эту идею достаточно громко и призвать к ее признанию и уверению - вот те побуждения, которые руководили Засулич, и мысль о преступлении, которое было бы поставлено в связь с наказанием Боголюбова, казалось, может дать удовлетворение всем этим побуждениям.

Засулич решилась искать суда над ее собственным преступлением, чтобы поднять и вызвать обсуждение забытого случая о наказании Боголюбова.

Когда я совершу преступление, думала Засулич, тогда замолкнувший вопрос о наказании Боголюбова восстанет; мое преступление вызовет гласный процесс, и Россия, в лице своих представителей, будет поставлена в {302} необходимость произнести приговор не обо мне одной, а произнести его, по важности случая, на виду Европы, той Европы, которая до сих пор любит называть нас варварским государством, в котором атрибутом правительства служит кнут.

Этим обсуждениями и определились намерения Засулич. Совершенно достоверным поэтому представляется то объяснение Засулич, которое притом же дано было ею при самом первоначальном ее допросе и было затем неизменно поддерживаемо, что для нее было безразлично: будет ли последствием произведенного ею выстрела смерть или только рана. Прибавлю от себя, что для ее цели было бы одинаково безразлично и то, если бы выстрел, очевидно направленный в известное лицо, и совсем не произвел никакого вредного действия, если бы последовала осечка или промах. Не жизнь, не физические страдания генерал-адъютанта Трепова нужны были для Засулич, а появление ее самой на скамье подсудимых и вместе с ней появление вопроса о случае с Боголюбовым.

Было безразлично, совместно существовало намерение убить или ранить; намерению убить не отдавала Засулич никакого особенного преимущества. В этом направлении она и действовала. Ею не было предпринято ничего, чтобы выстрел имел последствием смерть. О более опасном направлении выстрела она не заботилась. А, конечно, находясь в том расстоянии от генерал-адъютанта Трепова, в котором она находилась, она действительно могла бы выстрелить совершенно в упор и выбрать самое опасное направление. Вынув из кармана револьвер, она направила его так, как пришлось: не выбирая, не рассчитывая, не поднимая даже руки. Она стреляла, правда, в очень близком расстоянии, это делало выстрел более опасным, но иначе она и не могла действовать. Генерал-адъютант Трепов был окружен своей свитой, и выстрел на более далёком

расстоянии мог грозить другим, которым Засулич не желала вредить. Стрелять совсем в сторону было совсем дело неподходящее: это сводило бы драму, которая нужна была Засулич, на степень комедии.

На вопросе о том, имела ли Засулич намерение причинить смерть или имела намерение причинить только рану, прокурор остановился с особенной подробностью. Я внимательно выслушал те доводы, которые он высказал, но я согласиться с ними не могу, и они все падают перед соображением о той цели, которую имела В.Засулич. Ведь не отвергают же того, что именно оглашение {303} мысль, она знала и понимала, что она несет в жертву все - свою свободу, остатки своей разбитой жизни, все то небольшое, что дала ей на долю мачеха-судьба.

И не торговаться с представителями общественной совести за то или другое уменьшение своей вины явилась она сегодня перед вами, господа присяжные заседатели.

Она была и осталась беззаветной рабой той идеи, во имя которой подняла она кровавое оружие.

Она пришла сложить перед вами все бремя наболевшей души, открыть перед вами скорбный лист своей жизни, честно и откровенно изложить все то, что она пережила, передумала, перечувствовала, что двинуло ее на преступление, чего ждала она от него.

Господа присяжные заседатели! Не в первый раз на этой скамье преступлений и тяжелых душевных страданий является перед судом общественной совести женщина по обвинению в кровавом преступлении.

Были здесь женщины, смертью мстившие своим соблазнителям; были женщины, обогрившие руки в крови изменивших им любимых людей или своих более счастливых соперниц. Эти женщины выходили отсюда оправданными. То был суд правый, отклик суда божественного, который взирает не на внешнюю только сторону деяний, но и на внутренний их смысл, на действительную преступность человека. Те женщины, свершая кровавую расправу, боролись и мстили за себя.

В первый раз является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, - женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею во имя того, кто был ей только собратом по несчастью всей ее молодой жизни. Если этот мотив проступка окажется менее тяжелым на весах общественной правды, если для блага общего, для торжества закона, для общественной безопасности нужно призвать кару законную, тогда - да совершится ваше карающее правосудие! Не задумывайтесь!

Немного страданий может прибавить ваш приговор для этой надломленной, разбитой жизни. Без упрека, без горькой жалобы, без обиды примет она от вас решение ваше и утешится тем, что, может быть, ее страдания, ее жертва предотвратит возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок. Как бы мрачно ни смотреть на этот поступок, в самих мотивах его нельзя не видеть честного и благородного порыва.

Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренной, и остается только пожелать, {304} чтобы не повторялись причины, производящие подобные преступления, порождающие подобных преступников.

Резюме председателя А.Ф. Кони

Господа присяжные заседатели! Судебные прения окончены, и вам предстоит произнести ваш приговор. Вам была предоставлена возможность всесторонне рассмотреть настоящее дело, пред вами были открыты беспрепятственно все

обстоятельства, которые, по мнению сторон, должны были разъяснить сущность деяния подсудимой, - и суд имеет основания ожидать от вас приговора обдуманного и основанного на серьезной оценке имеющегося у вас материала. Но прежде чем вы приступите к означенному обсуждению дела, я обязан дать вам некоторые указания о том, как и в каком порядке надо приступать к оценке данного дела.

Когда вам предлагается вопрос о виновности подсудимого в каком-либо преступлении, у вас естественно и прежде всего позникает два вопроса: кем совершено деяние и что именно совершено. Вы должны спросит ьсебя, находится ли перед вами лицо, ответственное за свои проступки, т.е. не такое, в котором старость ослабила, молодость не вполне развила, болезнь погасила умственные силы. Вы должны убедиться, что перед вами находится человек, сознающий свои поступки и, следовательно, могущий подлежать за них ответственности.

В настоящем деле нет указаний на душевную болезнь, нет и вопроса о возрасте, и если защитник говорил вам перед вами о состоянии "постоянного аффекта", т.е. гнетущего и страстного порыв, то и он не указывал на то, чтобы этим состоянием у подсудимой затемнялось сознание. Что же касается до нервности подсудимой, следы которой не могли ускользнуть от вас, то нервность лишь вызывает большую впечатлительность.

Поэтому я умаю, что первый вопрос не представит для вас особых трудностей. Но второй вопрос труднее. Вы должны знать, на основании твердых данных, что именно совершено. Мало знать, что то или другое преступное деяние совершено, - необходимо знать, для чего оно совершено, т.е. знать цель и уяснить себе намерение подсудимого.

А затем возникает более общий вопрос: из каких побуждений сделано то, что привело подсудимого пред вас.

Есть дела, где эти вопросы разрешаются сравнительно легко, где в самом преступлении содержится уже и его объяснение, содержится указание на его цель. В таких делах, по большей части, для всякого ясно, к чему стремится обвиняемый. Так, кража в огромном большинстве случаев совершается для завладения чужим имуществом тайно, грабеж - для похищения его явно, изнасилование - для удовлетворения животной страсти и т.д.

Но есть дела более сложные. В них неизбежно надо исследовать внутреннюю сторону деяния. Один факт еще ничего не говорит или, во всяком случае, говорит очень мало. Таково убийство. Убийство - есть лишение жизни. Оно является преступным, когда совершается не для самообороны. Но оно может быть совершаемо различно. Я могу совершить убийство необдуманно, играя заряженным оружием; я могу убить в дарке, нанося удары направо и налево; могу прийти в негодование и в порыве гнева убить оскорбителя; могу, не ослепляемый раздражением, сознательно лишить жизни другого и могу, наконец, воспитать в себе прочную ненависть и под влиянием ее в течение многих иногда дней подготовить себя к тому, чтобы быть решительным, но задолго предвиденным ударом лишить кого-либо жизни. Все это будут ступени одной и той же лестницы, все они называются убийством, но какая между ними разница! И для того, чтобы ошибочно не стать ступенью ниже или, в особенности, ступенью выше, чем следует по справедливости, необходимо рассмотреть внутреннюю сторону преступления. Это рассмотрение укажет, какое это убийство, если только это убийство.

Но в настоящем деле обвинением поднят вопрос о покушении. Вам из явлений обыденной жизни известно, что такое покушение. Оно может быть различно. Бывают случаи, когда человек сам останавливается, приступив к совершению преступления. Стыд, страх, внутренний голос, слабость воли могут остановить его в самом начале. Но когда и выстрелил человек, когда замахнулся оружием, могут быть разные исходы: удар пришелся мимо, последовал промах, или удар

пришелся в защищенное, случайно или не случайно, место и, встретив препятствие, не причинил вреда, или же, наконец, удар дошел по назначению, но особенности организма того, кому он был назначен, уничтожили, ослабили смертоносную силу. Удар может быть нанесен так, что есть полная вероятность, что он разрушит такие части тела, с {308} невредимостью которых связана сама жизнь, а между тем случайное отклонение лезвия ножа или пути, избранного пулей, оставит важные внутренние органы без существенных повреждений или причинит такие, для борьбы против которых окажется достаточно жизненной силы у поврежденного организма. В этих последних случаях закон считает, что обвиняемый исполнил все, что от него зависело. Смерть не произошла не по его воле, и не от него уже зависело устранить ее, отдалить ее приход.

С таким именно случаем, по мнению представителя обвинительной власти, имеете вы теперь дело. Вы вдумаетесь в обстоятельства дела и в то, что было объясняемо вам здесь, и решите - есть ли прочные данные для этого вывода.

Картина самого события в приемной градоначальника 24 января должна быть вам ясна. Все свидетельские показания согласны между собой в описании того, что сделала Засулич. Револьвер, брошенный ею, пред вами. Объяснение, почему она его бросила, вы слышали. Оно подтверждается как устройством спуска курка револьвера, так и той, предвиденной ею, суматохой около нее после выстрела, о которой обстоятельно рассказали здесь Курнеев и Греч. Некоторое сомнение может возбудить лишь показание потерпевшего, прочитанное здесь на суде. Но это сомнение будет мимолетное. Для него нет оснований, и предположение о борьбе со стороны Засулич и о желании выстрелить еще раз ничем не подтверждается. Надо помнить, что показание потерпевшего дано почти тотчас после выстрела, когда под влиянием физических страданий и нравственного потрясения, в жару боли и волнения, генерал-адъютант Трепов не мог вполне ясно различать и припоминать все происходившее вокруг него. Поэтому, без ущерба для вашей задачи, вы можете не останавливаться на этом показании.

Факт выстрела, причинившего рану, несомненен. Но какая это рана, какой ее исход, каково ее значение? Здесь были заслушаны эксперты. Эксперты - те же свидетели. Они также говорят о том, что видели или слышали. Но они отличаются одним свойством от свидетелей обыкновенных. Обыкновенный свидетель - человек простой, относящийся непосредственно к виденному и слышанному. Его личные впечатления и выводы иногда затемняют то красноречие фактов, которое содержится в его показании. Но эксперт - свидетель, по преимуществу вооруженный научным знанием и специальным опытом. Поэтому он не только может, но должен говорить {309} о значении того, что он видит и слышит; его выводы освещают дело, устраняют многие сомнения и неясность обыденных представлений заменяют определенным взглядом, основанным на строгих данных науки.

И к свидетелям и к экспертам можно относиться с большим или меньшим доверием. Я напомним, что доверие к свидетелю на суде должно основываться на нравственном, а если оно дано экспертом, то и на научном его авторитете.

Вы примените эти условия к показаниям экспертов, бывших перед вами. Если вы найдете, что эксперты относились к делу с полным спокойствием и вниманием, что они, несмотря на разнообразное свое положение, вполне свободно сошлись в одних и тех же выводах; то вы, вероятно, отнесетесь к ним с доверием. Если, затем, вы припомните, что здесь пред вами были трое из наиболее выдающихся хирургов столицы, и в том числе два профессора хирургии, и что они имели возможность проследить ранение и его последствия, так сказать, по горячим следам, у постели больного, то вы придадите их показаниям научный авторитет. Сущность этих показаний от вас не ускользнула: рана нанесена, как оказывается из осмотра опаленного места на мундире, почти в упор - рана тяжелая и грозившая опасностью жизни.

Внутренняя сторона деяния Засулич будет затем подлежать особому вашему обсуждению. Здесь надо приложить всю силу разума, чтобы правильно оценить цель и намерение, вложенные в действия подсудимой. Я укажу лишь на то, что более выдающимися основаниями для осуждения представляются здесь:

во-первых, собственное объяснение подсудимой и, во-вторых, обстоятельства дела, не зависимые от этого объяснения, но которыми во многих отношениях может быть проверена его правильность или неправильность.

Собственное объяснение подсудимой прежде всего оценивается по тому доверию, какое вообще внушает или не внушает личность подсудимой. На скамью обвиняемых являются люди самых различных свойств. Обстановка, в которой они действовали до появления на этой скамье, обыкновенно отражается и на степени доверия, внушаемого их объяснениями перед судом. В большинстве случаев к объяснениям подсудимого надо относиться с осторожностью. Он слишком близкий к делу человек, он слишком большое участие в нем принимает, чтобы относиться к нему со спокойствием, чтобы иногда, под влиянием своего положения, невольно не смотреть на деяние свое односторонне, {310} т.е. не вполне согласно с истиной. Это настолько понятное явление, что обращаться к подсудимому с укором не следует, а следует лишь искать проверки объяснения подсудимого в сложившихся так или иначе фактах дела. Но собственное объяснение подсудимого, в особенности в делах, подобных настоящему, всегда должно быть принимаемо во внимание.

Существует, если можно так выразиться, два крайних типа по отношению к значению даваемых ими объяснений. С одной стороны - обвиняемый в преступлении, построенном на своекорыстном побуждении, желавший воспользоваться в личную выгоду плодами преступления, хотевший скрыть следы своего дела, бежать сам и на суде продолжающий то же, в надежде лживыми объяснениями выпутаться из беды, которой он всегда рассчитывал избежать, - игрок, которому изменила ловкость, поставивший на ставку свою свободу и Желаящий отыграться на суде. С другой стороны - отсутствие личной выгоды в преступлении, решимость принять его неизбежные последствия, без стремления уйти от правосудия, - совершение деяния в обстановке, которая заранее исключает возможность отрицания вины.

Между этими двумя типами укладываются все обвиняемые, бывающие на суде, приближаясь то к тому, то к другому. Очевидно, что обвиняемый первого типа

заслуживает менее доверия, чем обвиняемый второго. Приближение к тому или другому типу не может уничтожать преступности деяния, приведшего обвиняемого к необходимости давать свои объяснения на суде, но может влиять на степень доверия к этим объяснениям.

К какому типу ближе подходит Вера Засулич - решите вы и сообразно с этим отнесетесь с большим или меньшим доверием к ее словам о том, что именно она имела в виду сделать, стреляя в генерал-адъютанта Трепова. Вы слышали объяснения Засулич здесь, вы помните сущность ее объяснения тотчас после происшествия. Оно приведено в обвинительном акте. Оба эти показания в Сущности сводятся к желанию нанесением раны или причинением смерти отомстить генерал-адъютанту Трепову за наказание розгами Боголюбова и тем обратить на случившееся в предварительной тюрьме общее внимание. Этим, по ее словам, она хотела сделать менее возможным на будущее время повторение подобных случаев.

Вы слышали прения сторон. Обвинитель находит, что подсудимая совершила мщение, имевшее целью убить генерал-адъютанта Трепова.

{311}

Обвинитель указывал вам на то нравственное осуждение, которому должны подвергаться избранные подсудимой средства, даже и в тех случаях, когда ими стремятся достигнуть нравственных целей. Вам было указано на возможность такого порядка вещей, при котором каждый, считающий свои или чужие права нарушенными, постановлял бы свой личный, произвольный приговор и сам приводил бы его в исполнение. Рассматривая с этой точки зрения объяснения подсудимой и проверяя их обстановкой преступления, прокурор находил, что подсудимая хотела лишить жизни потерпевшего.

Вы слышали затем доводы защиты. Они были направлены преимущественно на позднейшее объяснение подсудимой, в силу которого рана или смерть генерал-адъютанта Трепова была безразлична для Засулич, - важен был выстрел, обращавший на причины, по которым он был произведен, общее внимание. Таким образом, по предположению защиты, подсудимая считала себя поднимающей вопрос о восстановлении чести Боголюбова и разьяснении действительного характера происшествия 13 июля, и не только перед судом России, но и перед лицом Европы. То, что последовало после выстрела, не входило в расчеты подсудимой.

Вы посмотрите спокойным взглядом на те и другие доводы, господа присяжные заседатели. Вы остановитесь на их беспристрастном разборе и, произведя его, вероятно, встретитесь с вопросами.

Если нужно обращать на что-либо общее внимание, хотя бы путем необыкновенного или даже незаконного поступка, то является ли стрельба из револьвера и на расстоянии, на котором трудно промахнуться, единственным неизбежным средством? Общее внимание исключительно ли связано с действиями, которые почти неминуемо сопровождаются пролитием крови? Выстрел, направленный не в человека, но с внешними признаками покушения, не так же ли может поднять вопрос? Наконец, поднятие вопросов, хотя бы и о действительно больных сторонах общественной жизни, способом, избранным подсудимой, не является ли резким нарушением правильного устройства этой жизни, не является ли лекарством, которое оставляет болезненные следы, так как определение в каждом данном случае вопроса, который должен быть таким образом поднят, ставится в зависимость от произвола, от развития, от разума или неразумия отдельного лица.

Обратясь к показанию Засулич, вы поищите в нем доказательств того, что она могла быть твердо уверена, {312} что дело ее будет разбираться обыкновенным судом, публичным, гласным; ввиду этого вопроса я должен вам напомнить, что она здесь, на суде, объяснила именование себя Екатериной Козловой боязнью за своих знакомых, так как предполагала, что дело о ней будет производиться

политическим порядком. А по этим делам закон разрешает закрывать двери суда всегда, когда это будет признано судом нужным.

Обсуждая доводы прокурора, вам придется остановиться на том, что надо понимать под мщением. Придется разобрать значение первоначального заявления подсудимой о желании отомстить. Быть может, в самом этом слове вы найдете и объяснение практической цели, для которой был произведен выстрел, если вы согласитесь с обвинителем в его взгляде на поступок Засулич.

Чувство мщения свойственно немногим людям; оно не так естественно, не так тесно связано с человеческой природой, как страсть, например ревность, но оно бывает иногда весьма сильно, если человек не употребит благороднейших чувств души на подавление в себе стремления отомстить, если даст этому чувству настолько ослепить себя и подавить, что станет смешивать отомщение с правосудием, забывая, что враждебное настроение - плохое подспорье для справедливости решения. Каждый, более или менее, в эпоху, когда еще характер не сложился окончательно, испытывал на себе это чувство. Состоит ли оно в непременном желании уничтожить предмет гнева, виновника страданий, вызвавшего в душе прочное чувство мести? Или наряду с желанием уничтожить - и притом гораздо чаще - существует желание лишь причинить нравственное или физическое страдание или и то и другое страдание вместе? Акты мщения встречаются, к сожалению, в жизни в разнообразных формах, но нельзя сказать, чтобы в основе их всегда лежало желание уничтожить, стереть с лица земли предмет мщения.

Вы знаете жизнь, вы и решите этот вопрос. Быть может, вы найдете, что в мщении выражается не исключительное желание истребить, а и желание причинить страдание и подвергнуть человека нравственным ударам. Если вы найдете это, то у вас может явиться соображение, что указание Засулич на желание отомстить еще не указывает на ее желание непременно убить генерал-адъютанта Трепова.

Разрешить так или иначе вопрос о степени доверия к показанию подсудимой нельзя, не перейдя к проверке его {313} данными дела. И здесь вы снова встретитесь с рядом вопросов. Во-первых, вы обратите внимание на оружие и на то, что оно куплено по поручению подсудимой. Показание Лежена охарактеризовало перед вами свойства револьвера. Это - один из сильнейших. Вместе с тем по конструкции своей он один из самых коротких. Вы припомните мнение обвинителя, что калибр револьвера, его боевая сила указывают на желание убить, но вы не упустите из виду и того соображения, что размер револьвера делал удобным его ношение в кармане и его незаметное вынутие оттуда, причем не цель непрямого убийства могла быть в виду, а лишь обстановка, в которой придется стрелять. Во-вторых, вы обсудите расстояние, с которого произведен выстрел, и место, куда он произведен. То, что он произведен почти в упор, может служить указанием на желание причинить смертельное повреждение, но не надо упускать из виду, что расстояние между генерал-адъютантом Треповым и Засулич обуславливалось обстановкой и, быть может, с другого места выстрела уже и нельзя было произвести. Вы решите, было ли расстояние, с которого был произведен столь близкий выстрел, выбрано Засулич произвольно и не было ли бы удобнее для целей убийства стрелять с несколько большего расстояния, так как тогда можно, не стесняясь расстоянием, навести пистолет в наиболее опасную часть тела. При этом вы сделаете и оценку выбора места, куда произведен был выстрел. Вы припомните, что говорил обвинитель о волнении подсудимой, мешавшем ей сделать выстрел иначе, но не забудете также и того, что, по обыденным понятиям и по медицинскому исходу настоящего ранения, наиболее опасными местами для причинения смерти являются голова и грудь. Вы вообще обратите особое внимание на оценку данных самого события.

Перед вами здесь было высказано, что для определения того, что Засулич не хотела убить, не нужно особенно останавливаться на фактах, - они, по-видимому, представляются не имеющими значения. Но я не могу со своей стороны дать вам такого совета. Я думаю, что на факты нужно во всяком деле обращать особое внимание. На одних предположениях и теоретических выводах судебного решения - обвинительного или оправдательного безразлично - строить нельзя. Предположения и выводы являются иногда прочной и верной связью между фактами, но сами по себе еще ничего не доказывают. Всего

лучше и несомненное цифры, где нет цифр, {314} там остаются факты, но если цифр нет, если факты отбрасываются в сторону, то всякий вывод является произвольным и лишенным оснований. Поэтому, повторяю, при обсуждении двух возникающих из дела вопросов о покушении на убийство и о нанесении раны вдумайтесь в факты и подвергните их тщательному разбору. Отвечая на первый из поставленных вам вопросов, вы ответите на вопрос о ране - тяжелой и обдуманной заранее; отвечая не только на первый, но и на второй вопрос, вы отвечаете на вопрос об убийстве, которое, как вы видите из прежнего вопроса, предполагается не совершившимся только от причины, которые устранить или создать было не в силах Засулич.

Ответ на все эти вопросы дает полную картину покушения на убийство, ответ на один первый - дает картину нанесения, сознательно и обдуманно, тяжелой раны.

При признании подсудимой виновной вам придется выбирать между этими двумя ответами. Быть может, у вас возникнут сомнения относительно выбора одного из этих ответов. Ввиду этого я должен вам напомнить, что по общему юридическому и нравственному правилу всякое сомнение толкуется в пользу подсудимого; в применении к двум обвинениям в различных преступлениях это значит, что избирается обвинение в преступлении слабейшем.

Остается указать еще на ту часть вопроса первого, одинаково применимую и к покушению на убийство, и к нанесению тяжелой раны, которая говорит о заранее обдуманном намерении.

Каждое действие чем серьезнее, тем более оно обдуманно; то же и по отношению к преступлению. Обвинительная власть находит, что подсудимая учинила свое деяние, задолго его обдумав и приготовясь к нему; защита полагает, что ничего обдуманного заранее не было и что Засулич, думая о том, что она впоследствии совершила в приемной градоначальника, находилась в состоянии постоянного аффекта, т.е. в состоянии постоянно гнетущего и

страстного раздражения. Преступления, совершенные в состоянии раздражения, существенно отличаются от обдуманных заранее. Если вы признаете, что подсудимая в то время, когда стреляла в генерал-адъютанта Трепова, находилась в состоянии вызванного в ней незадолго перед тем раздражения и гнева, то вы отвергнете обдуманность и исключите ее из первого вопроса, прибавив к нему, в случае утвердительного ответа на прочие его части, "но без обдуманного намерения".

{315}

Закон, однако, признает запальчивость и раздражение как последствия внезапно налетевшего гнева, который вполне овладевает человеком. Неожиданная обида, насилие, явное притеснение, возмутительное поведение могут в очевидцах или в потерпевшем вызвать негодование, которое заставит его забыть об окружающем и броситься на обидчика или, вступив с ним в объяснение, постепенно потерять всякое самообладание и свершить над ним преступное деяние, последствий которого совершитель за час, за полчаса иногда вовсе и не предвидел и которых он в спокойном состоянии сам ужаснулся бы. Но где есть некоторое время подумать, побыть с самим собой, где на первом плане не гнев, а более спокойное и более глубокое враждебное чувство, там убийство является уже умышленным. Там же, где желание причинить вред или убить существует более или менее продолжительное время, где человек встает и ложится с одной мыслью, с одной решимостью, где он приобретает средства для своего деяния и затем, однажды все обдумав и предусмотрев и на все решившись, идет на свершение своего дела, - там мы, с точки зрения закона, имеем дело с преступлением предумышленным, т.е. совершенным с заранее обдуманным намерением. Каждый день, в течение долгого приготовления и обдумывания, человек этот может негодовать на свою будущую жертву, каждый день воспоминание о ней может возбуждать и гнев, и раздражение, и все-таки, если это продолжалось много-много дней и в течение их мысль о будущем деле созрела и развивалась, закон указывает на предумышление.

Не в гневе, не в страстном негодовании отличие преступления, совершенного предумышленно от деяния, сделанного в раздражении, а в промежутке времени, дающем возможность одуматься, критически отнестись к себе и к задуманному делу и, призвав на помощь силу воли, отказаться от заманчивого плана. Там, где была эта возможность критики, возможность отказа, возвращения назад, возможность раздумия, там закон видит условия обдуманности. Где этого нет, когда человек неожиданно поглощен страстным порывом, там закон видит аффект.

Господа присяжные! Мне нечего говорить вам о порядке ваших совещаний: он вам известен. Нечего говорить о важности ваших обязанностей как представителей общественной совести, призванных творить суд. Открывая заседание, я уже говорил вам об этом, и то внимание, с которым вы относились к делу, служит залогом {316} вашего серьезного отношения к вашей задаче. Указания, которые я вам делал теперь, есть не что иное, как советы, могущие облегчить вам разбор данных дела и приведение их в систему. Они для вас несколько не обязательны. Вы можете их забыть, вы можете их принять во внимание. Вы произнесете решительное и окончательное слово по этому важному, без сомнения, делу. Вы произнесете это слово по убеждению вашему, глубокому, основанному на всем, что вы видели и слышали, и ничем не стесняемому, кроме голоса вашей совести.

Если, вы признаете подсудимую виновной по первому или по всем трем вопросам, то вы можете признать ее заслуживающей снисхождения по обстоятельствам дела. Эти обстоятельства вы можете понимать в широком смысле. К ним относится все то, что обрисовывает перед вами личность виновного. Эти обстоятельства всегда имеют значение, так как вы судите не отвлеченный предмет, а живого человека, настоящее которого всегда прямо или косвенно слагается под влиянием его прошлого. Обсуждая основания для снисхождения, вы припомните раскрытую перед вами жизнь Засулич. Быть может, ее скорбная, скитальческая молодость объяснит вам ту накопившуюся в ней горечь, которая сделала ее менее спокойной, более впечатлительной и более болезненной по отношению к окружающей жизни, и вы найдете основания для снисхождения.

(К старшине.) Получите вопросный лист. Обсудите дело спокойно и внимательно, и пусть в приговоре вашем скажется тот "дух правды", которым должны быть проникнуты все действия людей, исполняющих священные обязанности судьи.

Выверено по изданию: Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864–1917 гг. Л.: Лениздат, 1991.